

На правах рукописи

ПЁТР МИХАЙЛОВИЧ АРКАДЬЕВ

ТИПОЛОГИЯ ДВУХПАДЕЖНЫХ СИСТЕМ

Специальность 10.02.20 — сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Москва – 2006

Работа выполнена в Отделе типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения Российской академии наук.

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор, член-корреспондент РАН
Татьяна Михайловна Николаева

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Яков Георгиевич Тестелец

кандидат филологических наук
Михаил Александрович Даниэль

Ведущая организация: Институт востоковедения РАН

Защита диссертации состоится «___» _____ 2006 года в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.198.08 при Российском государственном гуманитарном университете по адресу: Москва, Миусская пл., д. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке РГГУ.

Автореферат разослан «___» _____ 2006 года.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук

М.Б. Рукодельникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Настоящая работа посвящена типологическому анализу двухпадежных систем. В ней рассматриваются формальные и содержательные свойства двухпадежных систем в языках мира, выявляются их общие характеристики и параметры варьирования.

Актуальность данной темы определяется следующим. Во-первых, такого рода минимальные падежные системы, в которых универсальное пространство значений, выражаемых падежами в языках мира, членится наиболее простым и при этом далеко не произвольным образом, могут послужить образцом для изучения более сложных падежных систем, варьирование которых происходит по значительно большему числу параметров. Исследование двухпадежных систем может показать, как при наличии минимальных средств язык кодирует различные значения и как эти значения группируются. Во-вторых, двухпадежные системы нередко являются промежуточной стадией при диахроническом переходе от того этапа истории языка, когда в нём вообще отсутствуют падежные противопоставления, к существованию в нём развитой падежной системы, или, напротив, последним этапом редукции такой системы. Тем самым, синхронное изучение двухпадежных систем может пролить свет и на различные аспекты типологии, и на тенденции исторического развития падежных систем вообще.

Такого рода комплексное исследование двухпадежных систем в широком межъязыковом сопоставлении предпринимается впервые, чем и обусловлена **научная новизна** диссертации. Такая ситуация объясняется тем, что современная типология до самого последнего времени уделяла недостаточно внимания исследованию грамматических систем (понимаемых как совокупности синхронно существующих и взаимодействующих грамем и грамматических категорий), предпочитая исследовать семантику и функционирование индивидуальных грамматических показателей. Тем самым, данное исследование не только вводит в рассмотрение типологов целый ряд фактов, ранее почти не привлекавших внимания, но и разрабатывает методологию, пригодную для типологического изучения самых разных падежных систем.

Цель данного исследования — дать по возможности исчерпывающую типологическую характеристику двухпадежным системам в языках мира. Предмет исследования — функциональное наполнение падежной оппозиции в разных языках с двухпадежными системами, морфологические типы выражения падежей, их взаимодействие с другими грамматическими категориями имени, наконец, происхождение и развитие такого рода падежных систем.

Среди поставленных в диссертации **задач** основными являются следующие:

1. Получение как можно более полного и представительного свода данных о двухпадежных системах в языках мира, который послужил бы основой их типологического изучения.

2. Систематизация и классификация зафиксированных систем по ряду параметров, имеющих как морфосинтаксический, так и функционально-семантический характер.
3. Выявление универсальных свойств двухпадежных систем, как в области инвариантных значений некоторых параметров, так и в том, что касается пределов их типологического варьирования.
4. Попытка объяснения выявленных типологических тенденций на основании функциональных факторов, как синхронных, так и диахронических.

Объектом изучения в данной диссертации являются морфологические, синтаксические и семантические особенности устройства и функционирования падежных граммем и показателей в языках с двухпадежными системами в синхронном и историческом аспектах. **Материал исследования** — данные более семидесяти языков разных генетических групп и географических ареалов, извлечённые из грамматических описаний и работ более частного характера. В диссертации используется материал следующих языков (полужирным выделены языки, включённые в выборку из тринадцати языков, на которой делались статистические обобщения):

1. Европа: индоевропейская семья:
 - 1.1. романская группа: **старофранцузский**, старопровансальский, румынский;
 - 1.2. германская группа: английский, норвежские и шведские диалекты.
2. Азия: индоевропейская семья: индоиранская группа: иранские, дардские, нуристанские (**кати**) и индоарийские языки.
3. Африка:
 - 3.1. семитская семья: **амхарский**, геэз, харари и др.;
 - 3.2. берберская семья: **кабийский**, ташельхит, тамазигхт и др.;
 - 3.3. кушитская семья: сомали, оромо, гидоле и др.;
 - 3.4. нилотская семья: **нанди**, масаи, пери, пакот и др.
4. Америка:
 - 4.1. салишская семья: **скомиш**, шусвап, халкомелем, сааниш;
 - 4.2. семья мускоги: **чоктау**;
 - 4.3. юто-ацтекская семья: **яки**, чемевеви;
 - 4.4. эскимосско-алеутская семья: **алеутский**;
 - 4.5. амазонский ареал: **мовима**.
5. Океания:
 - 5.1. австронезийская макросемья: малайско-полинезийская семья: **ниас**;
 - 5.2. семья сепик-раму (Новая Гвинея): **йимас**;
 - 5.3. семья йивайдя (Австралия): **маунг**.

Теоретическую значимость диссертации определяет то, что в ней вводятся в сферу внимания типологии факты, многие из которых были до сих пор объектом изучения лишь специалистов по конкретным, нередко «экзотическим» языкам или группам языков. Этот материал не только позволяет типологу получить более адекватную и точную картину межъязыкового разнообразия

в области грамматической категории падежа, но и заставляет по-новому оценить и пересмотреть теоретические положения и постулаты, сформулированные без учёта такого рода сведений. Данные двухпадежных систем, впервые представленные в допускающем межъязыковое сопоставление виде, оказываются тем самым исключительно ценными для типологии и теории падежа в самых разных аспектах данной категории. Кроме того, настоящее исследование убедительно демонстрирует необходимость учёта всех гетерогенных факторов — от функционально-семантических до поверхностно-морфологических — при анализе грамматических категорий и грамматических систем как в синхронии, так и в диахронии. Наконец, в диссертации показана первостепенная значимость диахронического измерения в типологическом изучении грамматических категорий: без учёта исторического развития грамматической системы трудно или невозможно объяснить её характеристики, наблюдаемые на синхронном срезе.

Практическое значение диссертации также во многом связано с её эмпирической направленностью. Факты и обобщения, полученные в данном исследовании, могут быть использованы при более детальном изучении конкретных языков, составлении описательных грамматик, полевых исследованиях. Материал диссертации может быть привлечён при подготовке общих и специальных учебных курсов по теории и типологии грамматических систем, в первую очередь, категории падежа. Методики, разработанные в диссертации, могут быть применены при типологическом изучении грамматических систем и реконструкции грамматической семантики.

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены в докладах и выступлениях на VII Межвузовской конференции студентов-филологов, Санкт-Петербург (апрель 2004 г.), Международном симпозиуме «Типология аргументной структуры и синтаксических отношений» (LENCA-2), Казань (май 2004), на Ностратическом семинаре Центра компаративистики Института восточных культур и античности РГГУ (июнь 2004 г.), на 1ой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей, Санкт-Петербург (сентябрь 2004), Международной конференции молодых учёных «Ломоносов-2006», Москва (апрель 2006). Работа прошла обсуждение в Отделе типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трёх глав, Заключение, Приложения и библиографии. В первой главе рассматриваются вопросы теории и методологии описания падежных систем и их типологического исследования, в частности, определение грамматической категории «падеж», критерии её выделения, подходы к семантике и функциям падежей. Во второй главе исследуется устройство двухпадежных систем с точки зрения функций каждого из падежей, типы кодирования ядерных и периферийных ролей, и строится общая функционально-семантическая типология двухпадежных систем. В третьей главе рассматриваются основные типы формального выражения падежных противопоставлений в двухпадежных системах, корреляции между формальными и функциональными свойствами двухпадежных систем, а также пути эволюции

двухпадежных систем. Приложение содержит сводную таблицу данных о двухпадежных системах в исследованных языках. Список цитированной литературы включает более 500 позиций.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава («Теоретические предпосылки типологического изучения падежных систем») посвящена анализу ряда вопросов, связанных с теоретическими и методологическими основаниями типологического изучения категории падежа и двухпадежных систем в частности. Эти проблемы таковы:

1. Определения понятий «падеж» и «двухпадежная система» и критерии их выделения в конкретных языках, результаты применения которых были бы пригодны для межъязыковых сопоставлений.
2. Ориентированные на типологические исследования методы исследования содержательной стороны категории падежа.
3. Характер самой этой содержательной стороны, в частности, проблема семантических ролей и синтаксических отношений.

В п. 1.1 обсуждается принятое в современной грамматической теории и типологии определение категории «падеж». Отталкиваясь, с одной стороны, от формальной процедуры выделения падежей, предложенной А.Н. Колмогоровым, В.А. Успенским и А.А. Зализняком [Зализняк 2002/1967: 38–42]¹, и, с другой стороны, от определений этого понятия Б. Блейком [Blake 2001/1994: 1]² и И.А. Мельчуком [Мельчук 1998: 325]³, можно выделить следующие конституирующие свойства этой категории:

1. Падеж — категория существительного или, по крайней мере, именных частей речи.
2. Падеж — категория, относящаяся к зависимостному маркированию [Nichols 1986]⁴.
3. Граммемы падежа сигнализируют **тип** синтаксической зависимости, иными словами, выбор граммемы падежа обусловлен семантической либо синтаксической ролью имени в предложении.

Данные характеристики нуждаются в определённом уточнении. Во-первых, для корректного описания фактов целого ряда языков, например, падежного согласования слов-атрибутов, разумно противопоставлять **синтаксический** падеж,

¹ А.А. Зализняк. *Русское именное словоизменение*. 2-е изд. // А.А. Зализняк. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: «Языки славянской культуры», 2002, с. 1–370. (1-е изд. М.: «Наука», 1967).

² V.J. Blake. *Case*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. (1st ed. 1994).

³ И.А. Мельчук. *Курс общей морфологии. Том II. Часть вторая: Морфологические значения*. М.–Вена: «Языки русской культуры», 1998.

⁴ J. Nichols. Head-marking and dependent-marking grammar // *Language*, Vol. 62 (1986), No. 1, pp. 56–119.

определённый на целой именной группе (далее ИГ), **морфологическому** падежу, который, как правило, но вовсе не всегда, выражается на вершине ИГ, см. [Тестелец 2001: 373–383]⁵, [Spencer 2003]⁶. Требование, чтобы падеж был определён именно на ИГ, исключает из множества возможных носителей данной категории широко распространённые клитические местоимения.

Во-вторых, несмотря на то, что падеж — категория зависимостного типа, её обязательный характер требует, чтобы по крайней мере один падеж мог употребляться независимо, в функции цитации. С другой стороны, вокатив («звательный падеж»), **никогда** не маркирует синтаксической зависимости, и потому есть все основания вообще не считать его падежом, ср. [Blake 2001/1994: 9]. В-третьих, необходимо уточнить круг семантико-синтаксических функций граммема, необходимый для того, чтобы признать её падежной. Представляется разумным следующее требование:

- (1) По меньшей мере две падежные граммема должны быть способны оформлять **разные** зависимые **финитного** глагола.

Тем самым, в языках, где одна из граммем может оформлять лишь зависимость одной ИГ от другой (как в литературных скандинавских языках), либо исключительно зависимость ИГ от предлога/послелога (как в ряде индоарийских языков), а другая маркирует все остальные типы зависимых, представляется разумным не выделять категории падежа.

В-четвёртых, переходя от ограничений на содержательную сторону категории «падеж» к её формальной реализации, следует заметить, что хотя прототипически падеж выражается при помощи аффиксов, тесно связанных с основой, в том случае, когда таких аффиксов в языке нет, ничто не мешает считать показателями падежей, например, предлоги или послелоги, как, например, в японском языке, см. [Blake 2001/1994: 10]. Это позволяет, в частности, выделить двухпадежную систему в ряде салишских языков, где имеется лишь один предлог, недифференцированно оформляющий все периферийные семантические роли.

Более сложная ситуация представлена в языках, где служебные слова⁷ могут оформлять «ядерные» синтаксические отношения, например, в современных индоарийских языках, где выделяется многоярусная система показателей, которые в принципе можно было бы рассматривать как падежные, ср. [Зограф 1976: 81–117]⁸, [Masica 1991: 230–248]⁹. Здесь важно учитывать как степень грамматикализованности таких показателей, превращающихся из послело-

⁵ Я.Г. Тестелец. *Введение в общий синтаксис*. М.: РГГУ, 2001.

⁶ A. Spencer. A realizational approach to case // M. Butt, T. H. King (eds.), *Proceedings of the LFG03 Conference*. Stanford (CA): CSLI Publications, 2003, pp. 387–401.

⁷ Этот термин в дальнейшем будет употребляться в качестве эквивалента английского *adposition*, т.е. гиперонима для понятий «предлог» и «послелог».

⁸ Г.А. Зограф. *Морфологический строй новых индоарийских языков*. М.: «Наука», 1976.

⁹ S. Masica. *The Indo-Aryan Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

гов в суффиксы, так и набор функций наиболее грамматикализованного внутреннего яруса таких показателей: если они удовлетворяют критерию (1), то их можно считать падежами, если же нет — то нельзя. Так, этимологически сходные показатели «косвенной основы» в языках хинди и непали имеют разную синтаксическую дистрибуцию: в хинди [Mohanap 1994]¹⁰ «косвенная форма» имени может употребляться независимо в ряде обстоятельственных функций, тем самым являясь падежом, а в непали [Королёв 1965]¹¹ она всегда должна сопровождаться послелогом, и потому падежом считаться не может.

Таким образом, мы приходим к следующему рабочему определению двухпадежной системы:

- (2) В языке выделяется двухпадежная система, если в нём есть грамматическая категория Г, удовлетворяющая нижеследующим условиям:
- (i) Г определена на ИГ и выражается в пределах ИГ;
 - (ii) Г содержит две граммемы;
 - (iii) каждая из этих граммем может маркировать определённый тип синтаксической зависимости ИГ от финитного сказуемого;
 - (iv) если в данном языке есть ещё одна грамматическая категория Г', удовлетворяющая условиям (i) и (iii), то либо для Г' не выполняется условие (ii), либо Г более грамматикализована, чем Г' (например, показатели Г — аффиксы, а Г' — послелого).

Именно следуя определению (2) двухпадежные системы были постулированы во всех языках, рассматриваемых в диссертации. Элементы двухпадежной системы называются **прямым** падежом (DIR) и **косвенным** падежом (OBL). Прямой падеж должен совпадать с формой цитации, никаких других ограничений на него не накладывается.

Помимо собственно определения понятий «падеж» и «двухпадежная система», необходимо также остановиться на ряде трудных случаев выделения падежей, ср. [Зализняк 2002/1973]¹². Процедура выделения падежей Колмогорова — Успенского следует так называемому «дистрибутивному» подходу [Blake 2001/1994: 20–25] при котором достаточно лишь, чтобы падежное противопоставление реализовывалось хотя бы у одной лексемы языка, несмотря на то, что в результате может возникнуть массовая омонимия падежей. Это явно неудовлетворительно для концепции, исходящей из постулата об иконическом соотношении формы и значения. Поэтому в типологии вместо понятия «падеж» в «дистрибутивном» смысле обычно используется понятие «падежное маркиро-

¹⁰ Т. Mohanan. *Argument Structure in Hindi*. Stanford (CA): CSLI Publications, 1994.

¹¹ Н.И. Королёв. *Язык непали*. М.: «Наука», 1965.

¹² А.А. Зализняк. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях. 2-е изд. // А.А. Зализняк. *«Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию*. М.: «Языки славянской культуры», 2002, с. 613–647. (1-е изд. в сб. А.А. Зализняк (ред.). *Проблемы грамматического моделирования*. М.: «Наука», 1973)

вание» (*case marking*), основанное лишь на том, как соответствующие значения выражены у данной лексемы. Проблема выделения падежей в типологически-ориентированном исследовании сводится к решению следующих вопросов:

1. В каких случаях следует допускать выделение неодинаковых наборов падежей у разных групп именных лексем?
2. В каких случаях следует допускать, чтобы «одни и те же» падежи у разных групп слов имели разные наборы функций?

В настоящей работе на оба эти вопроса даётся один и тот же ответ: содержательно различные наборы падежных граммем (а к «содержательным» различиям естественно относить различия в множествах граммем и в множествах их функций) можно выделять у **естественных** классов лексем, объединяемых по семантическим и синтаксическим признакам, т.е. у разных частей речи или у разных крупных семантических классов внутри одной части речи (например, у одушевлённых и неодушевлённых существительных). Напротив, в тех случаях, когда разное число падежных форм имеется в разных фрагментах парадигмы одной и той же лексемы, нет оснований постулировать для них разные наборы падежей.

Раздел **1.2** посвящён методологии описания значения падежных граммем. Основная проблема, встающая здесь перед исследователем, — наличие у падежей большого числа разнородных употреблений. Существует два основных подхода к этой проблеме, ср. [Blake 2001/1994: 30–47], [Плунгян 2000: 225–238]¹³: «инвариантный», постулирующий у каждого падежа одно абстрактное значение, по-разному реализующееся в зависимости от контекста, и «полисемический», допускающий, что падежи в языке могут иметь несколько различных и, возможно, не связанных значений.

«Инвариантный» подход был наиболее отчётливо воплощён в структуралистских концепциях первой половины XX в., в частности, в работах Р.О. Якобсона [Якобсон 1985/1936]¹⁴ и Л. Ельмслева [Hjelmslev 1972/1935–1937]¹⁵. Эти учёные, опираясь на существенно различный материал, приходят к выводу, что падежные системы суть реализации абстрактных (как правило, бинарных) оппозиций, а многозначность падежных граммем — лишь совокупность контекстных вариантов «общих значений», образуемых сочетанием этих «глубинных» признаков.

При своей несомненной эстетической привлекательности, описание падежной системы в терминах абстрактных бинарных признаков не может адекватно объяснить ни набора конкретных падежных значений в каком-либо язы-

¹³ В.А. Плунгян. *Общая морфология. Введение в проблематику*. М.: «Эдиториал УРСС», 2000.

¹⁴ Р.О. Якобсон. К общему учению о падеже // Р.О. Якобсон. *Избранные работы*. М.: «Прогресс», 1985, с. 133–175. (R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Gesamtbedeutungen der Russischen Kasus // *Travaux du cercle linguistique de Prague*, VI, 1936)

¹⁵ L. Hjelmslev. *La catégorie des cas. Étude de grammaire générale*. P. I–II. 2. Aufl. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. (1. Aufl.: P. I. Kopenhagen, 1935; P. II. Kopenhagen, 1937)

ке, ни то, как семантика падежей варьируется в языках мира. Кроме того, применение данной модели к материалу произвольного языка фактически сводится к тому, чтобы найти подходящий инвентарь признаков, что делает модель фактически нефальсифицируемой и, тем самым, лишает её объяснительной силы, см. [Плунгян 1998: 326–329]¹⁶, [Haspelmath 2003]¹⁷.

С другой стороны, «списочное» представление употреблений падежей, принятое в традиционных описаниях, также страдает рядом существенных недостатков. Основной из них — неясность критериев разделения разных употреблений граммем, связанная с нечёткостью используемых понятий. Отсутствие точных критериев разграничения отдельных значений падежей затрудняет межъязыковое сопоставление почти в такой же степени, как и рассмотрение каждой системы как «вещи в себе», определяемой лишь набором оппозиций. Здесь встают следующие вопросы:

1. Как выделить такое множество возможных употреблений падежей, чтобы его можно было использовать в качестве средства сопоставления падежных систем в самых разных языках?
2. Кроме того, как, отвергая абстрактный инвариант, отразить представление о неслучайности совместного выражения различных значений при помощи одной и той же граммемы?

Ответы на оба сформулированных вопроса даёт современная концепция грамматического значения. Эмпирический факт многозначности падежей не противоречит представлению о единстве разных значений, поскольку последние возникают не случайно, но определённым образом связаны между собой. Связь разных значений одной грамматической единицы можно интерпретировать как в синхронном плане (между ними имеются «концептуальные» переходы, ср. [Лакофф 2004/1987]¹⁸), так и в диахроническом (одни значения возникают из других, при этом старые значения сохраняются наряду с новыми, ср. [Luraghi 2003]¹⁹).

Типологически ориентированный подход к проблеме выделения отдельных значений падежей таков: разными употреблениями грамматического показателя в данном языке следует считать любые два таких, эквиваленты которых хотя бы в одном другом языке являются употреблениями разных грамматиче-

¹⁶ В.А. Плунгян. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях (обзор) // *Семиотика и информатика*. Вып. 36. М.: «Языки русской культуры», 1998, с. 324–386.

¹⁷ М. Haspelmath. The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison // М. Tomasello (ed.), *The New Psychology of Language, Vol. II*. Mahwah (NJ): Lawrence Erlbaum, 2003, pp 211–242.

¹⁸ Дж. Лакофф. *Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении*. Пер. с англ. М.: «Языки славянской культуры», 2004. (G. Lakoff. *Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1987.)

¹⁹ S. Luraghi. *On the Meaning of Prepositions and Cases. The Expression of Semantic Roles in Ancient Greek*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2003.

ских показателей, ср. [Ганенков 2002: 9–10]²⁰. Такие «грамматические атомы» удобно размещать на так называемых «семантических картах» [Haspelmath 2003], на которых единообразно помечаются значения, оформляемые в данном языке одним и тем же показателем. Аппарат семантических карт используется в данной работе для отображения распределения функций между падежами в двухпадежных системах.

В разделе 1.3 рассматриваются два типа значений, которые традиционно приписываются падежам: синтаксические отношения и семантические роли.

Синтаксические отношения определяются как «структурно-оформленные типовые отношения между составляющими предложения, прежде всего между предикатом и именными группами» [Кибрик 2003: 110]²¹. В п. 1.3.1 рассматриваются несколько подходов к синтаксическим отношениям, в первую очередь к понятию «подлежащее», и ряд проблем, возникающих при их применении к языкам различных типов. Вслед за типологами-функционалистами, см. [Croft 1991]²², [Dryer 1997]²³ и [Кибрик 2003], я принимаю точку зрения, согласно которой синтаксические отношения не подходят в качестве универсальных единиц описания употреблений падежей, поскольку такие понятия, как «подлежащее», «дополнение» и проч., определяются на основании конкретно-языковых грамматических признаков и, тем самым, их прямое межъязыковое сопоставление затруднительно.

Напротив, семантические роли, представляющие собою результат языковой категоризации тех ролей, которые реальные участники играют в ситуациях, обозначаемых предикатами данного языка, могут служить базой для типологического анализа падежных значений, поскольку семантические отношения между предикатом и его актантами, в принципе, не зависят от конкретного языка и могут быть сформулированы в универсальных терминах. В п. 1.3.2 даётся обзор основных подходов к семантическим ролям, принятых в современных теориях грамматики, и выделяются те семантические функции, которые будут использоваться при анализе двухпадежных систем. Это **ядерные семантические макророльи**, см. [Foley, Van Valin 1984]²⁴, [Dowty 1991]²⁵, [Кибрик 2003: гл. 10] — Актор (A) и Претерпевающий (U), а также роль единственного участника одноместной ситуации (S), и **периферийные семантические роли** — адре-

²⁰ Д.С. Ганенков. *Модели полисемии пространственных показателей*. Дипломная работа. М.: МГУ, ОТиПЛ, 2002.

²¹ А.Е. Кибрик. *Константы и переменные языка*. СПб.: «Алетейя», 2003.

²² W.C. Croft. *Syntactic Categories and Grammatical Relations. The Cognitive Organization of Information*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1991.

²³ M. Dryer. Are grammatical relations universal? // J.L. Bybee, J. Haiman, S.A. Thompson (eds.), *Essays on Language Function and Language Type. Dedicated to Talmy Givón*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1997, p. 115–144.

²⁴ W.A. Foley, R.D. Van Valin, Jr. *Functional Syntax and Universal Grammar*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

²⁵ D.R. Dowty. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*, Vol. 67 (1991), No. 3, pp. 547–619.

сат/Реципиент (Adr), Посессор (Poss), Место (Loc), Цель (Goal), Способ (Manner), Инструмент (Ins) и некоторые другие. Способы выражений этих функций в языках с двухпадежными системами и являются основным объектом исследования в диссертации.

Вторая глава («Функционально-семантические аспекты типологии двухпадежных систем») посвящена анализу того, как в языках с двухпадежными системами выражаются различные семантические роли, и построению функционально-семантической типологии таких систем.

В разделе **2.1.1** рассматриваются различные стратегии оформления ядерных функций S, A и U. В языках с двухпадежными системами отмечены все существующие типы кодирования ядерных ролей: **аккузативная** (языки Европы и Африки, юто-ацтекские и мускогейские языки; в качестве одной из возможных аккузативная модель широко представлена и в индоиранских языках), **эргативная** (в качестве основной представлена лишь в языке ниас и в нилотском языке пери, а в качестве одной из возможных — в индоиранских языках и в алеутском), **нейтральная** (салишские языки, мовима, йимас, алеутский, индоиранские языки), **контрастивная** (некоторые индоарийские языки) и **квази-нейтральная**²⁶ (некоторые иранские и дардские языки).

Особый интерес представляют типологически редкие стратегии кодирования и их реализации. Так, в целом ряде языков роль S оформляется при помощи OBL, а не DIR, ср. аккузативную конструкцию в кабийском языке [Chaker 1983: 276, 279]²⁷ в примере (3) и эргативную конструкцию в ниас [Brown 2001: 94]²⁸ в примере (4):

- (3) a. *fɣ-n* *y-rgaz-n*.
 выйти-3PL OBL-мужчина-PL
 ‘Мужчины (S) вышли.’
- b. *y-wt* *aqšiš-ni* *w-rgaz-im*.
 3SG-ударить DIR.мальчик-тот OBL-муж-2SG
 ‘Твой муж (A) ударил того мальчика (U).’
- (4) *me* *mofanö* *ya*, *la-roro* *ya* *niha* *fefu*.
 когда уйти он:OBL 3SG-следовать он:OBL DIR:человек все
 ‘Когда он (S) ушёл, все (A) последовали за ним (U).’

Ниас является пока единственным известным языком с подобной реализацией эргативной модели кодирования.

²⁶ Термин вводится впервые в реферируемой диссертации, его экспликацию см. ниже.

²⁷ S. Chaker. *Un parler berbère d'Algérie (Kabylie). Syntaxe*. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 1983.

²⁸ L. Brown. *A Grammar of Nias Selatan*. PhD Thesis, University of Sydney, 2001.

При нейтральной стратегии все ядерные функции выражаются при помощи одного и того же падежа, ср. пример (5) из салишского языка скомиш [Kuipers 1967: 169]²⁹:

- (5) a. *ck'wawa? ta=k'wat'an.*
 бежит DEF.DIR=мышь
 'Мышь (S) бежит.'
- b. *na=q^wuḱnəx^was ta=sui?qa ta=miχal.*
 ASP=убил DEF.DIR=человек DEF.DIR=медведь
 'Человек (A) убил медведя (U).'

Контрастивная стратегия, при которой все три ядерные роли оформляются по-разному, возможна лишь при кодировании одной или нескольких из них служебными словами, ср. пример (6) из хинди [Junghare 1983: 43]³⁰:

- (6) a. *ek gāṅ=mē ek kisān thā.*
 один деревня:OBL=в один крестьянин:DIR был
 'В одной деревне был крестьянин (S).'
- b. *ek din kisān=ne larḱī=ko khet=mē bhejā.*
 один день крестьянин:OBL=AGT дочь:OBL=OBJ поле=в послал
 'Однажды крестьянин (A) послал дочь (U) в поле.'

Наконец, термин «квазинейтральная стратегия» вводится в данной работе для случая, когда обе «переходные» роли А и U кодируются одинаково и при этом отдельно от «непереходной» функции S. Данная модель оформления ядерных ролей исключительно редка и представлена лишь в ряде иранских и дардских языков с двухпадежными системами, ср. пример (7) из иранского языка чали [Yar-Shater 1969: 75–76]³¹:

- (7) a. *bar beškiaš.*
 дверь:DIR сломалась
 'Дверь (S) сломалась.'
- b. *varziar-ō barr-ōn=ešō bāšind.*
 крестьянин-OBL.PL лопата-OBL.PL=3PL бросили
 'Крестьяне (A) бросили свои лопаты (U).'

Помимо собственно ядерных ролей, в данном разделе исследуется также кодирование в языках таких функций, как именной предикат (Pred) и топик (Top). Оказывается, что в языках с двухпадежными системами эти функции выражает исключительно DIR, что свидетельствует о корреляции между этими значениями и функциональной немаркированностью падежа. Наиболее отчет-

²⁹ А.Н. Kuipers. *The Squamish Language. Grammar, Texts, Dictionary*. The Hague, Mouton, 1967.

³⁰ I.Y. Junghare. Markers of definiteness in Indo-Aryan // *Indian Linguistics*, Vol. 44 (1983), pp. 43–53.

³¹ E. Yar-Shater. *A Grammar of Southern Tati Dialects*. The Hague, Paris: Mouton, 1969.

ливо это проявляется в языках, где функции Pred и Top, с одной стороны, и роли S и A, с другой, выражаются по-разному. Ср. пример (8) из нилотского языка нанди [Creider, Creider 1989: 121 — 125]³²:

- (8) a. *kè:réy kipe:t kipro:no.*
 видит Кибет:DIR Кипроно:OVL
 ‘Кипроно (A) видит Кибета (U).’
- b. *kipe:t kó kê:réy la:kwé:t.*
 Кибет:DIR TOP смотрит ребёнок:DIR
 ‘Что касается Кибета, то он смотрит на ребёнка.’
- c. *kíp:et ná:nti:ntèt.*
 Кибет:OVL Нанди:DIR
 ‘Кибет — человек народа нанди.’

Раздел **2.1.2** посвящён представленным в языках с двухпадежными системами явлениям «расщеплённого» кодирования ролей S, A и U, т.е. случаям дифференцированного оформления тех или иных ядерных функций в зависимости от различных факторов. Эти факторы таковы:

1. Семантика глагола, способная влиять на оформление функции S, что наблюдается в ряде индоиранских языков (п. **2.1.2.1**), ср. пример (9) из мунджанского языка [Грюнберг 1972: 458 — 459]³³:

- (9) a. *yāy žink-in xšəya.*
 та:OVL женщина-OVL заплакала
 ‘Та женщина (A) заплакала.’
- b. *potšo ləghda badāra šəy.*
 царская дочь:DIR ушедшая стала
 ‘Царская дочь (U) ушла.’

2. Семантический класс аргумента, в частности, его позиция на иерархии одушевлённости [Silverstein 1976]³⁴, влияющая на оформление функций A и U (п. **2.1.2.2**); в языках с двухпадежными системами это проявляется, например, в нейтрализации падежного противопоставления у тех или иных классов лексем.

3. Видовременная форма сказуемого: в индоиранских языках A кодируется DIR при настоящем времени/имперфективном виде сказуемого и OVL или послеложной конструкцией при прошедшем времени/перфективном виде сказуемого (п. **2.1.2.3**), ср. пример (10) из вафси [Stilo 2004: 243–244]³⁵:

³² С.А. Creider, J.T. Creider. *A Grammar of Nandi*. Hamburg: Buske, 1989.

³³ А.Л. Грюнберг. *Мунджанский язык*. Л.: «Наука», 1972.

³⁴ M. Silverstein. Hierarchy of features and ergativity // R.M.W. Dixon (ed.). *Grammatical Categories in Australian Languages*. Canberra: Australian Institute for Aboriginal Studies, 1976, pp. 112–171.

³⁵ D. Stilo. Grammar notes // D. Stilo. *Vafsi Folk Tales*. Wiesbaden: Reichert, 2004, pp. 223–244.

- (10) a. *tæ in xær-i næ-ruš-i?*
ты:DIR этот осёл-OBL.SG NEG-продать-2SG
'Ты (А) не продашь этого осла (U)?'
- b. *in luti-an yeu xær=esan æ-ruttæ.*
эти умный.человек-OBL.PL один осёл:DIR.SG=они DUR-продать:PST
'Эти умные люди (А) продавали осла (U).'
4. Степень индивидуализации, влияющая в первую очередь на оформление роли U: в индоиранских, амхарском и румынском языках неопределённый или неодушевлённый U кодируется DIR, а определённый/одушевлённый (U' — обозначение индивидуализированного Претерпевающего [Bossong 1985]³⁶) оформляется OBL или служебным словом (п. 2.1.2.4), ср. пример (11) из амхарского языка [Титов 1991: 265–266]³⁷:
- (11) a. *sɔw bet-ən ayue.*
человек:DIR дом-OBL увидел
'Человек увидел (этот) дом.'
- b. *sɔw anbesa geddele.*
человек:DIR лев:DIR убил
'Человек убил (какого-то) льва.'
5. Коммуникативный статус аргументов, влияющий на оформление ролей S и A в берберских, кушитских и нилотских языках, а также в алеутском и ваханском; обычно топиализованный аргумент оформляется DIR, а фокализированный — OBL (п. 2.1.2.5).
6. Статус предикации: в юто-ацтекских языках наблюдается оформление S и A косвенным падежом в подчинённых предикациях при кодировании их DIR в независимых предложениях; сходные явления представлены и в языке ниас; ср. пример (12) из языка яки [Lindenfeld 1973: 103]³⁸:
- (12) *na=a biča ke [hu-ka usi-ta ču lu-ta kipwe-lu].*
я:DIR=это вижу что этот-OBL ребёнок-OBL собака-OBL имеет-REL
'Я вижу, что у этого ребёнка (А) есть собака (U).'
7. Различные факторы более частного характера, такие как модальность, семантический класс глагола и др.; ср., например, оформление U прямым падежом при императиве глагола в юто-ацтекском языке чемевети [Press 1979: 78, 92]:
- (13) a. *maŋ puŋkuc-i kiŋ-vi.*
он:DIR собака-OBL кусать-PST
'Он (А) укусил собаку (U).'

³⁶ G. Bossong. *Empirische Universalienforschung: Differentielle Objektmarkierung in den neuiranischen Sprachen*. Tübingen: Narr, 1985.

³⁷ Е.Г. Титов. *Грамматика амхарского языка*. М.: «Наука», 1991.

³⁸ J. Lindenfeld. *Yaqui Syntax*. Berkeley: University of California Press, 1973.

b. *airac* *wampakwic* *panikai-tu ʔi-y*.
 мальчик:DIR скорпион:DIR видеть-CAUS-IMP
 ‘Покажи мальчику скорпиона (U)!’

Рассмотренные данные позволяют сделать следующие обобщения. Во-первых, при том, что в двухпадежных системах наблюдаются те же стратегии кодирования ядерных ролей, что и в языках с богатыми падежными системами, и те же их сочетания, нередки ситуации, когда то или иное функциональное противопоставление в двухпадежной системе получает нестандартную реализацию. Так, квазинейтральная стратегия возникает в результате того, что в соответствующих языках существуют и применяются независимо друг от друга две функционально мотивированные модели «расщеплённого» кодирования аргументов: зависимость оформления А от вида/времени сказуемого и дифференцированное маркирование U, обусловленное степенью индивидуализации. В многопадежной системе «маркированные» члены этих оппозиций получают различное выражение; в двухпадежной же системе для их выражения имеется лишь одно формальное средство, что и порождает квазинейтральную модель кодирования. Во-вторых, материал двухпадежных систем ясно демонстрирует, что сами «стратегии» выражения ядерных функций суть не более чем производные от универсальных функциональных принципов кодирования отдельных аргументов и характера падежной системы данного языка. Теоретическое осмысление и формальное обоснование в рамках Теории Оптимальности [Prince, Smolensky 2004/1993]³⁹ данное наблюдение получает в **Экскурсе**.

Раздел **2.2** посвящён тому, как в двухпадежных системах оформляются периферийные семантические роли. Естественно, что в языках с большим количеством служебных слов основная «нагрузка» по выражению различных обстоятельственных и подобных им значений ложится именно на предлоги или послелого. В задачи данной работы, однако, входит анализ того, как разные значения выражаются именно падежами-членами двухпадежных систем, и поэтому здесь рассматривается лишь кодирование тех или иных функций при помощи DIR и OBL. Учитывать сочетания этих падежей с предлогами или послелогам важно лишь постольку, поскольку для некоторых языков с двухпадежными системами следует выделять тройное членение семантической области: значения, выражаемые DIR, vs. значения, выражаемые OBL, vs. значения, выражаемые сочетаниями падежей со служебными словами.

В п. **2.2.1** рассматривается выражение в языках с двухпадежными системами роли адресата/реципиента (Adr), занимающей промежуточное положение между ядерными и периферийными ролями. В двухпадежных системах Adr может оформляться прямым падежом (нилотские, салишские языки, йимас, мовима), косвенным падежом (индоевропейские и юто-ацтекские языки, амхарский, маунг), служебными словами (берберские языки, ниас, алеутский). На-

³⁹ A. Prince, P. Smolensky. *Optimality Theory: Constraint Interaction in Generative Grammar*. Oxford: Oxford University Press, 2004. (Ms. Rutgers University, 1993.)

блюдаются также различные стратегии оформления A_{dr} по отношению к ядерным ролям, ср. [Haspelmath 2006]⁴⁰, в частности, довольно редкая для зависимостного маркирования **секундативная** стратегия, когда A_{dr} оформляется так же, как U переходного глагола, а U битранзитивного глагола кодируется отлично от них, ср. примеры из языка мовима [Haude 2006: 281, 282]:

- (14) a. *usko bay-a-cho=us as wa:so.*
 DIR:он ударить-TR-внутри=3SG.M ART:DIR стекло
 ‘Он (A) разбил окно (U).’
- b. *kayaʔe=us os pa:ko n-os charke.*
 дать.TR=3SG.M ART:DIR собака OBL-ART мясо
 ‘Он дал мясо (U) собаке (A_{dr}).’

В юто-ацтекских языках функции A_{dr} и U всегда выражаются единообразно, и даже вместе подвергаются изменениям падежного маркирования, ср. пример (13b) из чемевети.

В п. 2.2.2 исследуется выражение в языках с двухпадежными системами пространственных ролей: Места (Loc), Цели (Goal), Источника (Source), Пути (Path). Систематически при помощи падежей в двухпадежных системах выражаются лишь функции Loc и Goal. При этом если о кодировании значения Path в источниках, как правило, нет данных, то функция Source обычно оформляется служебным словом, что связано с её большей семантической маркированностью по сравнению с другими локативными функциями. Роли Goal и Loc в рассматриваемых языках могут выражаться как прямым, так и косвенным падежом, причём встречаются случаи как единообразного, так и различного их кодирования. Можно выделить следующую закономерность, отчётливо видную на материале индоиранских языков: падежи употребляются для выражения локативных функций преимущественно с именами, обозначающими пространственные объекты; при существительных других семантических классов эти значения кодируются при помощи служебных слов, ср. [Aristar 1997]⁴¹.

Помимо собственно пространственной интерпретации, роли Loc и Goal могут иметь и метафорические понимания. Для Loc основной такой интерпретацией является темпоральная (Temp), представленная в большинстве рассматриваемых языков и также ограниченная именами, обозначающими временные промежутки. Типичной переносной интерпретацией роли Goal является значение более абстрактной цели движения или действия, ср. мовима [Haude 2006: 281]:

- (15) *jayna rey chi:chi n-as telo-wa=n.*
 тогда опять выйти OBL-ART танцевать-NML-2SG
 ‘Тогда ты (снова) пойдешь танцевать (Goal).’

⁴⁰ M. Haspelmath. Argument marking in ditransitive alignment types // *Linguistic Discovery*, Vol. 3 (2006), No. 1, pp. 1–21.

⁴¹ A.R. Aristar. Marking and hierarchy types and the grammaticalization of case-markers // *Studies in Language*, Vol. 21 (1997), pp. 313–368.

Выражение в двухпадежных системах других периферийных семантических ролей рассматривается в п. 2.2.3. В исследованных языках отмечены следующие функции, которые могут выражать падежи: способ действия (Manner), инструмент (Ins) и комитатив (Comit), мера (Mens), объект сравнения (Comp) и Агнс пассива (PA). В их оформлении можно отметить следующие закономерности. Во-первых, функция Mens всегда оформляется так же, как ядерная роль U, что связано, возможно, с тем, что ИГ в данной роли, как правило, являются аргументами при глаголах соответствующей семантики. С этим связано преобладание DIR среди средств выражения функции Mens. Во-вторых, прочие периферийные роли, как правило, оформляются отлично от ядерных ролей, что особенно отчётливо видно в языках, где маркирование S, A и U следует нейтральной стратегии с использованием прямого падежа. Приведу примеры каждой из рассматриваемых функций:

Manner, геэз [Weniger 1999: 39]⁴²:

- (16) *wa=bakay-a marir-a.*
и= плакал-3SG горький-OBL.SG
'И он <апостол Пётр> горько (Manner) заплакал.'

Ins, ниас [Brown 2001: 207]:

- (17) *göna ya toho.*
ударил он:OBL копьё:DIR
'Его ударили копьём (Ins).'

Comit, мовима [Haude 2006: 282]:

- (18) *kide: da' kaykay jayna n-us alwaja='ne.*
они:DIR DUR есть вот OBL-ART муж=3SG.F
'Они сейчас едят с её мужем (Comit).'

Mens, старопровансальский [Schulz-Gora 1915: 118]⁴³:

- (19) *Josep trenta deniers venderon.*
Иосиф:OBL тридцать:OBL денье:OBL они.продали
'Они продали Иосифа (U) за тридцать серебрянников (Mens).'

агнс пассива, скомиш [Kuipers 1967: 169]:

- (20) *na=q'wnim l'a=Tam ta=miχal.*
ASP=был.убит ART.OBL=Том ART.DIR=медведь
'Медведь был убит Томом (PA).'

В п. 2.2.4 рассматривается кодирование в языках с двухпадежными системами функции приименного зависимого (Poss), которая в строгом смысле является не семантической, а синтаксической ролью. Нормой для двухпадежных систем является кодирование Poss при помощи косвенного падежа, однако в

⁴² S. Weniger. *Gǝʿaz*. 2nd ed. München, Newcastle: LINCOM Europa, 1999.

⁴³ O. Schultz-Gora. *Altprovenzalisches Elementarbuch*. Heidelberg: Winter, 1915.

В качестве основных параметров типологии двухпадежных систем были выбраны следующие:

1. **Падежная область** — множество значений, которые покрывают собственно падежи (а не, например, предлоги или послелоги).
2. **Характер разделения** падежной области между двумя падежами.

По объёму падежной области выделяются следующие типы двухпадежных систем:

1. **Узкие** системы, в которых в падежную область входят лишь ядерные роли (например, ваханский язык);
2. **Широкие** системы, в которых, помимо ядерных ролей, падежи способны кодировать и целый ряд периферийных ролей (например, старофранцузский язык).

Имеются также и промежуточные системы, в которых падежи кодируют лишь немногие периферийные роли (например, алеутский язык, берберские языки). Важно, что в значительном большинстве языков с двухпадежными системами последние являются «широкими».

По характеру членения падежной области выделяются такие типы:

1. **Разграничивающие** системы, в которых оба падежа покрывают относительно непрерывную область значений, причём один из падежей берёт на себя все или часть ядерных ролей, а другой — остальные значения (например, старофранцузский язык, семантическая карта двухпадежной системы которого представлена на рис. 2).
2. **Распределяющие** системы, в которых каждый падеж покрывает как часть ядерных, так и часть периферийных ролей (например, язык кати, рис. 3).

Рис. 2.

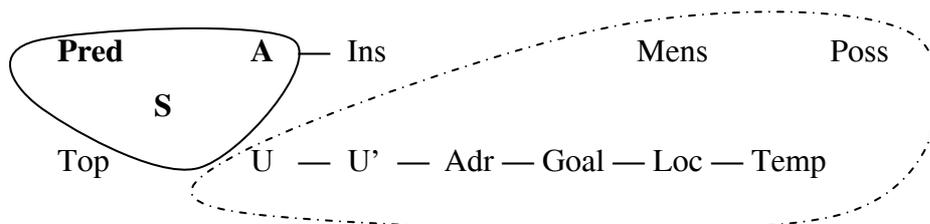
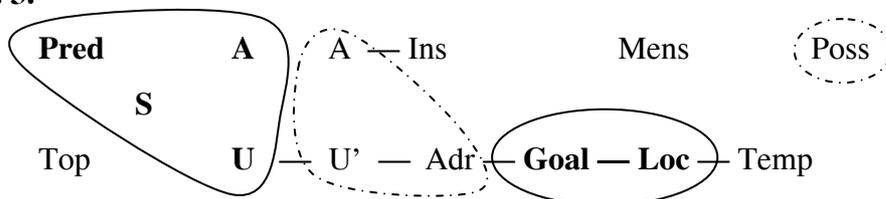

Рис. 3.

Как и в случае с предыдущим параметром, имеются системы, промежуточные между разграничивающими и распределяющими; интересно, что они наблюдаются в основном среди языков с падежной областью среднего объёма (алеут-

⁴⁵ Н. Sandøy. *Talemål*. Oslo: Novus, 1996.

ский, маунг). Между разграничивающими и распределяющими типами двухпадежных систем имеется существенная асимметрия: последние в чистом виде встречаются исключительно редко и, видимо, являются реликтами более древнего состояния соответствующих языков (близких и генетически, и географически иранских, дардских и нуристанских), обладавших ранее многопадежными системами. Падежи распределяющих систем в этих языках, по всей вероятности, сохраняют наборы функций падежей, в результате слияния которых они возникли. Напротив, системы разграничивающего типа, будучи, видимо, более «естественными» (например, потому, что каждый падеж в них, как правило, имеет функции, принадлежащие к некоторому естественному классу), встречаются практически повсеместно.

Основные типы разграничивающих систем таковы (без учёта явлений «расщеплённой» эргативности в индоиранских языках):

1. **Нейтральный**, где все ядерные роли кодируются одним и тем же падежом, а именно DIR (например, салишские языки);
2. **Аккузативный**, где роли S/A противопоставляется функция U, или, как в индоиранских языках, U' — высоко индивидуализированный Претерпевающий (например, юто-ацтекские языки).

В рамках аккузативного типа имеет смысл выделять несколько подтипов в зависимости от следующих двух параметров:

1. Какой падеж оформляет функцию S/A;
2. Как соотносится оформление роли U и периферийных функций.

Теоретически возможны четыре типа широких разграничивающих двухпадежных систем с аккузативной базовой стратегией оформления ядерных актантов, см. таблицу 1.

Таблица 1.

Тип	S/A	U, U'	периф.	языки
нормальный гармонический	DIR	OBL	OBL	европейские, индоиранские, юто-ацтекские
нормальный дисгармонический	DIR	OBL	DIR	—
аномальный гармонический	OBL	DIR	DIR	нилотские, чоктау
аномальный дисгармонический	OBL	DIR	OBL	берберские

Из исчисленных типов реально зафиксированы лишь три, причём нормальный гармонический тип имеется в существенно большем числе языков, нежели представители аномального типа. Объяснение этому факту заключается в том, что выделенные типы по-разному взаимодействуют с универсальными тенденциями в устройстве (двух)падежных систем, выполняющимися в подавляющем большинстве рассматриваемых языков:

1. **PERIF→OBL**: если в языке есть периферийные роли, кодируемые при помощи прямого падежа, то в нём есть периферийные роли, кодируемые при помощи косвенного падежа.

2. **PERIF≠S**: если в языке есть периферийные роли, кодируемые так же, как роль S, то в нём есть периферийные роли, кодируемые отлично от роли S.

Таблица 2 демонстрирует, как при помощи указанных ограничений можно объяснить фиксируемое распределение типов.

Таблица 2.

Тип	S/A	U, U'	периф.	PERIF≠S	PERIF→OBL
☞☞ нормальный гармонический	DIR	OBL	OBL	✓	✓
* нормальный дисгармонический	DIR	OBL	DIR	*	*
☞ аномальный гармонический	OBL	DIR	DIR	✓	*
☞ аномальный дисгармонический	OBL	DIR	OBL	*	✓

Таким образом, как сами типы двухпадежных систем, представленные в языках мира, так и их частотность мотивированы универсальными функционально-семантическими принципами. Сами ограничения PERIF→OBL и PERIF≠S связаны как с синхронно действующими иерархиями маркированности и принципами иконичности, так и с диахроническими тенденциями, проявляющимися в путях грамматикализации падежных показателей.

В п. 2.3.3 материал двухпадежных систем рассматривается в связи с предложенными в работах [Blake 2001/1994], [Hawkins 2004]⁴⁶ и [Croft 1991] возможными ограничениями на устройство падежных систем. Здесь демонстрируется, что двухпадежные системы могут нарушать ограничения, выдвинутые на материале более богатых падежных систем, однако эти нарушения либо объясняются возможностью восполнить «дыры» в системе другими средствами, либо достаточно редки.

В третьей главе («Морфологические и диахронические аспекты типологии двухпадежных систем») исследуются морфологические и диахронические аспекты типологии двухпадежных систем. П. 3.1.1 посвящён формальным средствам выражения падежных граммем в двухпадежных системах. По признаку **степени связанности** показателя с основой в рассматриваемых языках преобладают аффиксы, однако встречаются и клитики (амхарский, персидский, салишские), и чередования (ряд индоиранских языков, берберские языки, ниас). Особый интерес представляет выражение падежей при помощи изменения тонального контура, представленное в нилотских и части кушитских языков. По признаку **позиции показателя** по отношению к основе в двухпадежных системах преобладают постпозитивные маркеры (суффиксы или энклитики), однако широко представлены и препозитивные (салишские и берберские языки, ниас и мовима), причём их частотность существенно превышает общемировую, ср. [Dryer 2005]⁴⁷. Наконец, супплетивные падежные формы нередко встречаются у личных местоимений.

⁴⁶ J.A. Hawkins. *Efficiency and Complexity in Grammars*. Oxford: Oxford University Press, 2004.

⁴⁷ M. Dryer. Position of case affixes // M. Dryer, M. Haspelmath, D. Gil, B. Comrie (eds.), *World Atlas of Language Structures*. Oxford: Oxford University Press, 2005, pp. 210–211.

В п. **3.1.2** изучается взаимодействие падежа и других именных категорий (числа, рода, определённости) в двухпадежных системах. В связи с категорией числа рассматриваются типы именных парадигм, представленные в таких системах (п. **3.1.2.1**), в частности, различные случаи нейтрализации падежных и числовых противопоставлений. Помимо распространённых случаев синкретизма падежей во множественном числе, в языках с двухпадежными системами представлены и более редкие ситуации, например, нейтрализация противопоставления по числу в прямом падеже (иранские языки), синкретизм падежей в единственном числе (ваханский и сарыкольский языки) и «перекрёстные» нейтрализации ($DIRPL = OBLSG$, в ряде индоиранских языков и в старофранцузском языке). Некоторые из таких парадигматических структур возможны лишь в минимальных падежных системах. В п. **3.1.2.2** показано, преимущественно на материале румынского языка, как взаимодействие категорий падежа и определённости может привести к возникновению «аналитических» падежных форм и «экстернализации» категории падежа, её переходу от уровня слова к уровню целой ИГ.

В п. **3.1.3** рассматриваются уже отмеченные в главе 2 случаи, когда функции *S* и *A* выражаются морфологически маркированным падежом (обычно *OBL*), а функция *U* и периферийные роли — формально немаркированным (обычно *DIR*). Такая ситуация, представленная в старороманских, берберских, кушитских, нилотских и мускогейских языках, а также, в несколько осложнённом виде, в ниас, объясняется тем, что во всех этих языках формально маркированный падеж оказывается и функционально маркированным, выражая узкое множество функций (как правило, лишь *S* и *A*). Само «аномальное» распределение функций между падежами, по крайней мере, для ряда африканских языков, по-видимому, связано с тем, что в них морфологически оформляется лишь нетопикализованное «подлежащее» (напомню, что функция топика всегда выражается при помощи немаркированного падежа); тем самым, иконическое соотношение между формой и функцией не нарушается и в этих «аномальных» случаях.

Раздел **3.2** посвящён диахронии двухпадежных систем. В п. **3.2.1** рассматриваются пути возникновения двухпадежных систем. Несмотря на скудость надёжных данных по истории большинства рассматриваемых языков, для многих из них можно с определённой степенью уверенности постулировать наиболее общий источник двухпадежной системы. Двухпадежные системы, образовавшиеся в результате редукции многопадежных, надёжно зафиксированы лишь в индоевропейских языках; более частым источником таких систем является грамматикализация предлогов (салишские языки, мовима), послелогов (йимас, персидский), указательных местоимений или артиклей (берберские, эфиосемитские).

Двухпадежные системы, возникшие в результате распада многопадежных (п. **3.2.1.1**), как правило, обладают рядом характеристик, указывающих на их древность. Это и наличие нетривиальных парадигматических структур (кумуляция падежа и числа, различные случаи синкретизма и алломорфии, выраже-

ние падежей при помощи флексий или чередований), и высокая полисемичность показателей, совмещение одним падежом различных функций, как ядерных, так и периферийных, возникавших в разные периоды истории языка. Наиболее отчётливо это показывают данные индоиранских языков, где ряд двухпадежных систем унаследовал распределение функций древних падежей, например, такую редкую модель полисемии, как A — U' — Adr — Poss. Особо рассматривается материал согдийского языка [Sims-Williams 1982]⁴⁸, где параллельно со старой пятипадежной системой существовала новая двухпадежная. Сопоставление данных индоиранских и романских языков, где разные пути «свёртывания» во многом сходных многопадежных систем привели к двухпадежным системам принципиально разного устройства, демонстрирует, что учёт истории грамматической категории необходим для адекватной интерпретации её синхронного состояния.

«Новые» двухпадежные системы, возникающие из служебных элементов (п. 3.2.1.2) также обладают рядом особых характеристик. Как правило, показатель косвенного падежа в таких системах является клитикой или агглютинативным аффиксом, его семантика сравнительно узка и включает менее грамматикализованные функции. Таковы весьма сходные системы персидского и амхарского языков, где ОВЛ выражается при помощи клитики, оформляющей целую ИГ, а основной его функцией является кодирование индивидуализированного Претерпевающего. Персидский показатель косвенного падежа *-ra* восходит к послелогу *rādiy* [Овчинникова 1956]⁴⁹; происхождение амхарского показателя *-ən* дискуссионно.

В п. 3.2.2 рассматриваются пути развития двухпадежных систем. На основе двухпадежных систем путём грамматикализации послелогов могут возникать многопадежные системы (п. 3.2.2.1). Это произошло в ряде новых индоарийских языков, где к флективному ОВЛ присоединяются послелогии, достигшие довольно значительной степени грамматикализации, как формальной, так и семантической (в частности, они способны выражать ядерные роли), см. [Masica 1991: 232–248]. В результате возникают многопадежные системы с рядом нетривиальных свойств:

1. Противопоставление прямой основы косвенной, восходящей к ОВЛ, от которой образуются все или большинство периферийных падежей, ср. парадигму из языка гуджарати в табл. 3, [Савельева 1965: 24–25]⁵⁰.
2. Относительно единый набор показателей косвенных падежей для всех классов слов и всех подпарадигм.
3. Относительно большая вариативность показателей косвенной основы, как правило, кумулятивно выражающих также и число.

⁴⁸ N. Sims-Williams. The double system of nominal inflection in Sogdian // *Transactions of the Philological Society*, 1982, pp. 67–76.

⁴⁹ И.К. Овчинникова. Функции послелога *-ra* в современном литературном персидском языке // *Труды Института языкознания АН СССР*, Т. IV, 1956, с. 356–391.

⁵⁰ Л.В. Савельева. *Язык гуджарати*. М.: «Наука», 1965.

4. Наличие у согласующихся с именем слов лишь двух форм, распределённых также, как прямая и косвенная основы, ср. пример (23) из гуджарати [ibid.: 28].

Таблица 3

	‘собака’
Nom	<i>kūtro</i>
Gen	<i>kūtrā-nũ</i>
Acc	<i>kūtrā-ne</i>
Ins	<i>kūtrā-e</i>
Abl	<i>kūtrā-thī</i>
Loc	<i>kūtrā-mã</i>

(23) *glelã* *svapn-o- mã*
 бредовый:OBL.PL сон-OBL.PL-LOC
 ‘в бредовых снах’

Такого рода развитие двухпадежной системы достоверно зафиксировано лишь в индоарийских и некоторых иранских языках. Тем не менее, на основании выделенного выше списка морфологических признаков можно выдвинуть гипотезу о том, что двухпадежные системы лежали в основе падежных систем эскимосских и нахско-дагестанских языков, где они могут быть постулированы путём внутренней реконструкции.

Сценарий развития двухпадежных систем, противоположный только что рассмотренному, предполагает постепенную утрату противопоставления DIR vs. OBL. Как правило, в таком случае для выражения падежных значений, в особенности относящихся к периферийной зоне, начинают использоваться служебные слова. Можно предположить, что основное различие между теми языками, в которых старая двухпадежная система даёт основу многопадежной, и теми, где она исчезает, заключается в наличии в первых послелогов, а во вторых предлогов; известно, что послелогои значительно легче грамматикализуются в падежные аффиксы, нежели предлоги. В п. 3.2.2.2 процесс распада двухпадежной системы подробно рассматривается на материале старофранцузского языка. На дезинтеграцию этой системы повлияло и её «исходное состояние», когда DIR был систематически маркирован по отношению в OBL (в единственном числе) и при этом обладал весьма узким набором функций, и сильная фонетическая редукция падежных показателей, и синтаксические факторы, такие как употребление косвенного падежа в функции S в ряде конструкций, см. [Laubscher 1921]⁵¹, [van Reenen, Schøsler 1998]⁵². В результате OBL постепенно вытеснил DIR из различных контекстов его употребления (это сопровождалось массовым свободным варьированием падежей), и в большинстве случаев нынешние французские лексемы восходят к форме старофранцузского косвенного падежа. Исключение составляют слова, DIR которых по тем или иным причинам обладал частотностью, существенно более высокой, нежели обычная (термины родства, титулы и т.п., часто выступавшие в звательной функции). В ряде случаев это привело к разделению DIR и OBL на две лексемы (ср. *sire* vs. *seigneur*). Рассмотренный материал свидетельствует о том, что распад двухпадеж-

⁵¹ G.G. Laubscher. *The Syntactical Causes of Case Reduction in Old French*. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1921.

⁵² P. van Reenen, L. Schøsler. Declension in Old and Middle French. Two opposing tendencies // J. Ch. Smith, D. Bentley (eds.), *Historical Linguistics 1995. Vol. 1: General Issues and Non-Germanic Languages*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1998, pp. 327–344.

ной системы — сложный процесс, регулируемый взаимодействующими между собою факторами самых разных уровней.

В **Заключении** кратко суммируются основные положения диссертации и формулируются её основные выводы. К важнейшим результатам настоящего исследования можно отнести следующие:

1. Были выявлены и единообразно описаны двухпадежные системы в примерно семи десятках языков разных генетических групп и географических ареалов. Разумеется, о **полном** охвате **всех** существующих двухпадежных систем говорить нельзя, однако уже имеющийся материал даёт, как представляется, адекватную картину языкового разнообразия в этой области и позволяет делать типологические обобщения и предсказания.
2. Представленные в языках мира двухпадежные системы были классифицированы по ряду параметров, как функционально-семантических, так и морфосинтаксических, и существованию и распределению этих типов были предложены объяснения синхронно-типологического и диахронического характера.
3. Были выявлены не только синхронные закономерности устройства и функционирования двухпадежных систем, но и тенденции их генезиса и диахронического развития.

Важнейший вывод настоящего исследования заключается в том, что двухпадежные системы представляют собою **типологически-релевантный класс** падежных систем, обладающий некоторым относительно гомогенным набором общих свойств, и члены которого варьируются во вполне определённых пределах. Конституирующим свойством двухпадежных систем является, естественно, само количество имеющихся в них элементов, накладывающее очень сильные ограничения, которые, по-видимому, делаются всё слабее по мере увеличения числа граммем в системе.

Обладая рядом указанных выше особенностей, двухпадежные системы, несомненно, подчиняются тем же типологическим закономерностям, что и все остальные падежные системы. Основные типы оформления ядерных актантов и варьирование этих типов обусловлено универсальными тенденциями, вообще подчас не зависящими от наличия или отсутствия в языке грамматической категории падежа или её аналогов. Формальные характеристики двухпадежных систем, такие как тип средства выражения и основные модели взаимодействия падежа с другими морфологическими категориями, также, в общем, мало различаются в двух- и многопадежных системах. Таким образом, можно утверждать, что известные к настоящему времени универсальные закономерности устройства падежных систем релевантны и для двухпадежных систем и определяют то общее, что все такие системы имеют между собой. Особенности же двухпадежных систем, то, что противопоставляет их другим системам, происходят, как уже было сказано, в основном из их минимальности и связанных с этим нетривиальных свойств.

Например, альтернации кодирования актантов в двухпадежных и в многопадежных системах обусловлены одинаковыми факторами, но получают разное поверхностное воплощение из-за различного числа имеющихся в языках выразительных средств. Минимальным характером падежной системы обусловлены и некоторые морфологические явления, например, ряд моделей нейтрализации падежных или числовых противопоставлений или «зеркальные» парадигмы старофранцузского типа. С тем же фактором, возможно, связаны и наблюдаемые с особой отчётливостью в языках с двухпадежными системами «аномалии» маркированности.

Здесь следует подчеркнуть, что разного рода своеобразные характеристики двухпадежных систем, выявленные в данном исследовании, являются в каждом случае продуктом диахронических изменений, приведших к тем или иным реально отмечаемым структурам. Каждая двухпадежная система есть результат комплексного взаимодействия многих факторов, как релевантных собственно для двухпадежных систем, так и таких, которые играют роль в устройстве языка безотносительно к наличию в нём двухпадежной системы или вообще категории падежа, но на конкретно-языковую реализацию которых может оказать существенное, а иногда и решающее влияние тип представленной в языке падежной системы.

Тот факт, что двухпадежные системы в самых разных языках мира оказываются в большой степени похожи друг на друга, причём не только в самых общих принципах устройства, но и в более частных моментах (например, нестандартные реализации различных типов «расщеплённого» кодирования актантов представлены в столь разных языках, как иранские, юто-ацтекские и ниас), свидетельствует, что существуют общие закономерности организации двухпадежных систем, проявляющиеся независимо от случайностей исторического развития, вернее, всякий раз, когда оно приводит к возможности их реализации. Выявление этих закономерностей и было основной целью данного исследования.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Аркадьев П.М. Двухпадежные системы с маркированным номинативом: аномалия или закономерность? // А.В. Андронов (ред.). *VII Межвузовская научная конференция студентов-филологов. Тезисы*. СПб.: СПбГУ, 2004, с. 113–114.
2. Arkadiev P.M. Two-term case systems in the Indo-Iranian languages: A typological perspective // В. Comrie, P. Suihkonen, V. Solovyev (eds.). *The Typology of Argument Structure and Grammatical Relations. 2nd International Symposium on Languages Spoken in Europe and North and Central Asia, Kazan, 11–14 May 2004. Abstracts*. Kazan, 2004, pp. 256–257.
3. Аркадьев П.М. О некоторых нетривиальных случаях взаимодействия морфологических категорий числа и падежа // Д.В. Герасимов, С.Ю. Дмитренко, Н.М. Заика, С.С. Сай (ред.), *Первая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Санкт-Петербург, 24–25 сентября 2004 г. Тезисы докладов*. СПб.: «Наука», 2004, с. 13–16.
4. Аркадьев П.М. Функционально-семантическая типология двухпадежных систем // *Вопросы языкознания*, 2005, № 4, с. 101–120.
5. Аркадьев П.М. Рецензия на книгу S. Luraghi. *On the Meaning of Prepositions and Cases*, John Benjamins, 2003 // *Вопросы языкознания*, 2006, № 1, с. 137–140.
6. Аркадьев П.М. Двухпадежные системы в языках Африки // Н.Н. Дьяков (ред.), *Международная научная конференция "Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы. Актуальные проблемы и перспективы". К 150-летию Восточного факультета СПбГУ. Тезисы докладов*. СПб.: СПбГУ, 2006, с. 329–330.
7. Аркадьев П.М. Кодирование роли адресата в двухпадежных системах // *Сборник тезисов XIII международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов». Т. III. Искусствоведение. Филология. Юридические науки*. М.: МГУ, 2006, с. 119–121.